

Лучше мне
умереть

ГЛАВА 1

Большинство людей, приехавших на встречу с Ниро Вулфом, тем более из такой глуши, как Небраска, выглядят озабоченными, но только не этот. С гладкой кожей, внимательными карими глазами и тонким ртом, он даже не выглядел на свой возраст. Впрочем, я знал, сколько ему лет: шестьдесят один. Получив телеграмму от Джеймса Р. Херолда из Омахи, штат Небраска, с просьбой принять его в понедельник днем, я естественно навел о нем справки. Он был единственным владельцем компании, занимающейся оптовой торговлей скобяными изделиями, уважаемым гражданином с состоянием более полу-миллиона долларов — отличная перспектива на достойный гонорар, если он действительно попал в беду. Но внешность Джеймса Р. Херолда не оправдала моих ожиданий. Судя по его внешнему виду, он вполне мог прийти за отзывом на новое устройство для обрезки орхидей. Он сидел, небрежно откинувшись на спинку красного кожаного кресла.

— Полагаю, — начал он, — мне стоит объяснить, почему я выбрал именно вас.

— Как вам будет угодно, — пробурчал из-за письменного стола Вулф.

Первые полчаса после ланча он за редкими исключениями предпочитал недовольно бурчать.

Херолд перекинул ногу на ногу:

— Речь идет о моем сыне. Я хочу найти своего сына. Примерно месяц назад я дал объявление в нью-йоркских газетах, установил контакты с полицией Нью-Йорка и... Что-то не так?

— Все так. Продолжайте.

Но что-то явно было не так. Вулф скривился. Сидя за своим столом, я мог смело сказать Херолду, что, если бы его проблема не сулила нам солидный гонорар, он мог бы откланяться прямо сейчас. Посетитель, который однажды употребил в кабинете Вулфа выражение «установил контакты», заплатил за эту привилегию дополнительную тысячу долларов, о чем, правда, не догадывался.

На лице Херолда появилась печать задумчивости, но затем оно снова разгладилось.

— О-о... Вы не любите вмешиваться в дела полиции. Но все в порядке. Я связался лишь с лейтенантом Мёрфи из Бюро по розыску пропавших людей и поместил несколько объявлений в разделе частных объявлений, но все безрезультатно, а моя жена уже начала терять терпение, поэтому я позвонил из Омахи лейтенанту Мёрфи, сказал, что хочу обратиться в частное детективное агентство, и попросил кого-нибудь порекомендовать. Он ответил, что не имеет права, но я при желании могу быть очень настойчивым, и он назвал вашу фамилию. При этом он сказал, что лично от вас в поиске пропавших людей будет мало пользы, так как вы слишком толстый и ленивый, но у вас есть двое сотрудников — Арчи Гудвин и Сол Пензер, — которые считаются лучшими в таких делах. Потому я и отправил телеграмму с просьбой принять меня.

Вулф хмыкнул и показал на меня пальцем:

— Это мистер Гудвин. Расскажите ему о вашей проблеме.

— Он ваш сотрудник?

— Да. Мой личный помощник.

— Тогда я все расскажу вам. Предпочитаю иметь дело с руководством. Пол — мой единственный сын. Кроме него, у меня еще две дочери. Когда он окончил Университет Небраски, я ввел его в свой бизнес: оптовую торговлю скобяными изделиями. Это было в тысяча девятьсот сорок пятом, одиннадцать лет назад. В колледже он был слегка необузданным, но я надеялся, что с годами он образумится. Напрасно. Он украл у нашей фирмы двадцать шесть тысяч долларов, и я дал ему пинка под зад. — Тонкие губы мистера Херолда стали еще тоньше. — Выгнал его с работы и из дома. Он покинул Омаху и как в воду канул. Я не желал его больше видеть, но теперь хочу, и моя жена тоже. Месяц назад, восьмого марта, я узнал, что он не брал этих денег. Я выяснил, кто это сделал, и получил веские доказательства. С этим делом я разобрался, вор получит по заслугам, и теперь я хочу найти сына. — Он достал из кармана большой конверт, что-то вынул оттуда и поднялся с места. — Вот его фотография, сделанная девятнадцатого июня тысяча девятьсот сорок пятого года. Самая последняя, что у меня есть. — Он вручил одно фото и мне тоже. — У меня шесть таких, и, если нужно, я могу сделать еще. — Затем он вернулся к креслу и снова сел. — С ним обошлись несправедливо, и я хочу расставить точки над «i». Мне не за что извиняться, ведь в то время все указывало на то, что деньги взял именно он. Но теперь, когда я знаю, что это не так, мне нужно его найти. Моя жена уже начинает терять терпение.

На фото был круглолицый паренек с ямочкой на подбородке в мантии и академической шапочке. Никакого видимого сходства с отцом. Что касается папаши, он явно был лишен сантиментов. Можно бы-

ло сказать, что он хорошо держится в данных обстоятельствах, а можно было сказать, что в его жилах течет рыба́ья кровь. Причем скорее последнее.

Вулф уронил фотографию на столешницу.

— Значит, — пробормотал он, — вы полагаете, что он в Нью-Йорке. С чего вы это взяли?

— А с того, что каждый год жена и дочери получают от него открытки на день рождения. Ну вы знаете, поздравительные открытки. Я всю дорогу подозревал, что моя жена с ним переписывается, но она это отрицает. Говорит, с удовольствием бы написала ему, но он не дал ей своего адреса. Посылал только открытки, и на них стоял почтовый штемпель Нью-Йорка.

— Когда пришла последняя открытка?

— Девятнадцатого ноября, меньше пяти месяцев назад. На день рождения моей дочери Марджери. И опять с почтовым штемпелем Нью-Йорка.

— Что-нибудь еще? А кто-нибудь его там видел?

— По крайней мере, мне об этом неизвестно.

— А полиции удалось хоть как-нибудь продвинуться?

— Нет. Вообще ни на шаг. Впрочем, я не жалеюсь. Похоже, им надоело. Хотя, конечно, в таком большом городе, как этот, у них и так дел по горло, и мое лишь одно из многих. Я практически уверен, что одиннадцать лет назад из Омахи он двинулся прямо в Нью-Йорк. На поезде. Но не могу это подтвердить. Полиция отрядила на поиски несколько человек. Они занимались этим неделю. Во всяком случае, мне так сказали. Правда, сейчас — лишь один. И я согласен с женой, что нельзя сидеть сложа руки. Я забросил свой бизнес.

— Это никуда не годится, — сухо произнес Вулф, которому, очевидно, тоже не нравились люди с рыба́ь-

ей кровью. — А объявления в газетах тоже ничего не дали?

— Ничего. Я получил письма с предложениями помощи от пяти детективных агентств. С ответом, естественно, на почтовый ящик. Ну и еще немного — две дюжины, не больше — от разных психов и проходимцев. Полиция проверила письма. Дохлый номер.

— А как были составлены объявления?

— Я сам их составлял. Все однотипные. — Херолд вынул из нагрудного кармана пухлый кожаный бумажник и, порывшись в нем, извлек газетную вырезку. Развернулся к окну, чтобы лучше видеть, и прочел: — «Пол Херолд, покинувший Омаху, штат Небраска, узнает нечто приятное для себя, если немедленно свяжется со своим отцом. Стало известно, что произошла ошибка. Любого, кто прочитал это объявление и кому известно что-то о местонахождении вышеупомянутого Пола в настоящее время или в последние десять лет, просят откликнуться за достойное вознаграждение. Х904 „Таймс“». — После чего, положив вырезку обратно в бумажник, а бумажник — в карман, Херолд сказал: — Я поместил объявление в пяти нью-йоркских газетах. Уже тридцать раз. Деньги на ветер. Я не против того, чтобы тратить деньги, но не люблю выбрасывать их на ветер.

— С таким же успехом вы могли потратить их на меня, или мистера Гудвина, или мистера Пензера. Ваш сын мог изменить имя по приезде в Нью-Йорк. Ну да, скорее всего, так оно и есть. Ведь ни полицейское расследование, ни объявления не дали никаких результатов. Кстати, а он взял с собой багаж, уезжая из Омахи?

— Да. Он взял всю свою одежду и кое-какие личные вещи. У него с собой был кофр, чемодан и сумка.

— На них были его инициалы?

— Его инициалы? — нахмурился Херолд. — Ну... О да. На кофре и чемодане. Подарки от его матери. Моей жены. А что?

— Просто «П. Х.» или еще второе имя?

— У него нет второго имени. Просто «П. Х.». А что?

— Потому что, если он и изменил имя, то, скорее всего, для удобства сохранил инициалы «П. Х.». Инициалы на багаже могут быть первыми буквами десяти тысяч других имен. Мистер Херолд, даже учитывая наличие инициалов «П. Х.», дело это сложное и очень запутанное, так как, по нашему мнению, ваш сын не хочет, чтобы его нашли, поскольку объявления не дали результата. Поэтому я предлагаю оставить все как есть.

— Вы хотите сказать: прекратить его поиски?

— Да.

— Не могу. Моя жена и мои дочери... Так или иначе, я не согласен. Справедливость прежде всего. Я обязан его найти.

— И вы хотите меня нанять?

— Да. Вас, Гудвина и Пензера.

— В таком случае должен поставить вас в известность, что это может занять много месяцев и расходы будут значительными. Размер выставленного мной счета не зависит от успеха расследования, а мои услуги стоят дорого.

— Я в курсе. Лейтенант Мёрфи мне сообщил. — Сейчас Херолд выглядел более озабоченным, чем когда пришел. — Но я ведь могу в любое время отказать от ваших услуг, да?

— Безусловно.

— Хорошо. — Он вздохнул с облегчением. — Вам нужен задаток.

— Аванс на расходы. Но что еще более важно, мне нужна вся информация, которую вы способны мне

предоставить. — Вулф повернулся ко мне. — Арчи, блокнот!

Блокнот был уже наготове.

Час спустя, когда наш клиент ушел, а Вулф поднялся наверх в оранжерею на дневную встречу с Теодором и орхидеями, я положил в сейф чек на три тысячи долларов, после чего сел за пишущую машинку расшифровать свои записи. Закончив, я получил пять страниц систематизированных фактов, лишь один, максимум два из которых смогут нам пригодиться. У Пола Херолда имелся трехдюймовый шрам на левой ноге, под коленом. Память о произошедшем в детстве несчастном случае. Это, конечно, может оказаться полезным, если мы застанем Пола со спущенными штанами. Благодаря этому шраму Пол был освобожден от службы в армии. Мать звала его Пуси. Он был весьма равнодушен к девушкам, в колледже даже какое-то время встречался с девицей по имени Арлин Мейси, хотя и не дал себя заарканить. Насколько было известно, после отъезда на восток он больше ни с кем не поддерживал связи. Пол специализировался на социологии, правда об этом его отец говорил несколько туманно. Два года Пол брал уроки игры на скрипке, но продал скрипку за двадцать баксов, после чего разразился жуткий скандал. Несмотря на травмированное колено, он пробовал играть в футбол, однако не вошел в команду, а в сорок четвертом играл в бейсбол два иннинга в качестве атакующего защитника против команды Канзаса. А так больше никаким видом спорта не занимался. Пил, курил, но в меру. Азартными играми вроде не увлекался. Он вечно нуждался в карманных деньгах, но до того инцидента с кражей не совершал ничего предосудительного или позорного.

И так далее и тому подобное. Не слишком многообещающе. Наличие свидетельств каких-либо увле-

чений типа любви к скачущим животным или желания стать президентом Соединенных Штатов Америки могло бы хоть как-то помочь, но ничего такого в досье не было. Если папаша действительно хорошо знал своего сына, в чем я сильно сомневался, тот был самым обычным парнишкой, которому крупно не повезло, и теперь оставалось только гадать, во что он успел превратиться. Похоже, нам с Солом Пензером не стоит благодарить лейтенанта Мёрфи из Бюро по розыску пропавших людей за то, что подсунул нам неходовой товар. Любой коп из Полицейского управления Нью-Йорка, начиная с комиссара Скиннера, с радостью отдал бы дневную зарплату за вычетом налогов, лишь бы посмотреть, как Ниро Вулф потерпит фиаско, и, похоже, тот самый Мёрфи, прокопавшись месяц с делом Херолда, решил, что это отличный выход из положения. Я пошел на кухню и сообщил Фрицу, что мы взялись за работу, с которой проканителimsя два года, и все впустую.

— В этом доме ничего не делается впустую, — улыбнувшись, покачал головой Фриц. — Только не у вас с мистером Вулфом.

Он вытащил из холодильника пластиковый контейнер и снял крышку.

— Эй! — запротестовал я. — У нас на ланч была икра шэда! А теперь и на обед?

— Мой дорогой Арчи! — Он позволял себе покровительственный тон лишь в вопросах еды. — Это было просто соте, с соусом из шнитт-лука и кервеля. А сейчас я запеку это в горшочке с анчоусным маслом собственного приготовления. Натру ломтики сала пятью травами. Сверху залью ее сметаной с луком и тремя травами, которую уберу перед подачей. Сезон нереста шэда очень короткий, и мистер Вулф готов лакомиться икрой хоть три раза в день. Ну а ты

можешь отправляться в закусочную Эла на Десятой авеню и побаловать себя ветчиной на ржаном хлебе и капустным салатом. — Фриц содрогнулся.

Наш разговор перешел в спор, но я решил не перегибать палку, опасаясь быть изгнанным к Элу. Мы все еще продолжали спорить, но тут в шесть часов я услышал звук лифта, на котором Вулф спустился из оранжереи. С легкой душой закруглившись, я оставил Фрица натирать сало травами и вернулся в кабинет.

Вулф стоял возле книжных полок и смотрел на глобус, даже более объемистый, чем он сам, видимо желая убедиться, что Омаха, штат Небраска, находится там же, где всегда. Удостоверившись в этом, Вулф подошел к письменному столу, обогнул его и втиснул свое корпулентное тело в сделанное на заказ кресло.

Наклонив голову, Вулф обозрел персидский ковер 14 × 26 футов, закрывавший всю середину кабинета.

— Сейчас апрель. И ковер грязный. Нужно напомнить Фрицу, чтобы отослал ковер в чистку и постелил другой.

— Ну да, — согласился я. — Но в качестве темы для дискуссии этого все же недостаточно. Если вы не хотите обсуждать Пола Херолда, то можете обсудить, например, ситуацию на Ближнем Востоке.

— Мне нет нужды избегать обсуждения этого дела, — проворчал Вулф. — Если верить лейтенанту Мёрфи, оно скорее для вас с Солом. Ты связался с Солом?

— Да. Мы договорились замаскироваться под служащих Армии спасения. Он начинает работать в районе Бэттери-парка и севернее, а я — в районе Ван-Кортланд-парка и южнее. Мы встретимся в сочельник у мавзолея Гранта и сравним наши заметки,

а затем переместимся в Бруклин. А у вас есть другие предложения?

— Боюсь, нет. — Вулф тяжело вздохнул. — Дело совершенно безнадежное. Неужели лейтенант Мёрфи имеет на меня зуб?

— Совершенно необязательно. Он ведь коп. А этого более чем достаточно.

— Полагаю, что так. — Вулф прикрыл глаза, но через секунду снова открыл их. — Нужно было отказаться. Разумеется, пропавшего молодого человека в Нью-Йорке знают под другим именем, а не как Пола Херолда. Фотография одиннадцатилетней давности. За одиннадцать лет он мог сильно измениться. Велика вероятность, что он не хочет, чтобы его нашли, а в таком случае объявления его лишь насторожат. Полиция хорошо обучена розыску пропавших людей. И если после месяца работы... Соедини меня с лейтенантом Мёрфи.

Я подошел к письменному столу, набрал КА 6-2000, с трудом убедил сержанта, что меня устроит только Мёрфи, и, когда тот наконец взял трубку, дал знак Вулфу, а сам остался слушать.

— Лейтенант Мёрфи? Это Ниро Вулф. Ко мне сегодня днем приходил некий Джеймс Р. Херолд из Омахи. Нанял меня на работу по розыску его сына Пола. Сказал, это вы посоветовали ему обратиться ко мне. А еще он сказал, что ваше бюро занимается поиском его сына уже почти месяц. Все верно?

— Все верно. Так вы согласились?

— Да.

— Отлично. Удачи, мистер Вулф.

— Благодарю. А могу я узнать, как далеко вам удалось продвинуться?

— Вообще никак. Мы зашли в тупик.

— А ваше расследование выходило за рамки установленных процедур?

— Зависит от того, что вы называете установленными процедурами. Дело было совершенно очевидным, парню пришлось туго, и мы, можно сказать, приложили все усилия. У меня этим делом по-прежнему занимается весьма толковый человек. Если вы пришлете нам Гудвина с письмом от Херолда, мы с удовольствием покажем ему отчеты.

— Спасибо. Какие-нибудь соображения имеются?

— Боюсь, нет. Желаю удачи.

На сей раз Вулф уже не стал говорить спасибо, а просто повесил трубку.

— Превосходно, — сказал я. — Он считает, что подсунул нам полное дерьмо. Впрочем, так оно и есть, черт возьми! Итак, с чего начнем?

— По крайней мере, не с Бэттери-парка, — проворчал Вулф.

— Уговорили. Ну так откуда? Дело, похоже, еще более поганое, чем кажется. А что, если Пол специально все обтяпал так, чтобы его заподозрили в краже двадцати шести штук, чтобы иметь повод слинять от папашы? После встречи с этим родителем я бы не удивился. А потом парень видит объявление с просьбой связаться с отцом — ни слова о матери или страхе, — только с отцом, так как произошла ошибка, и что ему остается делать? Он либо решает рвануть в Перу или на Ближний Восток — опять Ближний Восток, — либо покупает себе накладные усы. Кстати, это мысль. Мы можем проверить всех покупателей накладных усов за последний месяц и, если найдем...

— Заткнись! Есть идея.

— Боже мой! — Я вытаращился на Вулфа. — Значит, еще не все потеряно. Я просто пытался вас немного расшевелить, заставив включить мозги, и, коли на то пошло...

— Я сказал: «Заткнись!» Как думаешь, уже поздно подать объявление в завтрашние газеты?

— В «Газетт» — нет. В «Таймс», возможно, и да.

— Бери блокнот.

Даже если у него внезапно поехала крыша, выхода у меня не было. Я подошел к письменному столу, достал блокнот и открыл его на чистой странице.

— Поместить в разделе «Разное», — сказал Вулф. — Объявление разместить в две колонки высотой три дюйма. Под заголовком «Для П. Х.». Набрать жирными прописными буквами, с точками после «П» и «Х». Внизу текст, более мелким шрифтом: «Ваша невиновность доказана, и мы сожалеем о совершенной по отношению к вам несправедливости...» — Вулф сделал паузу. — Нет, пожалуй, исправь «сожалеем» на «осуждаем». Далее: «Не позволяйте обиде помешать торжеству истины. — (Еще одна пауза.) — Никто насильно не принуждает вас вступить в контакт. Но ваша помощь необходима для установления настоящего преступника. Я с уважением отнесусь к вашему нежеланию возобновлять оборванные связи». — Вулф поджал губы и кивнул. — Этого вполне достаточно. Укажи мое имя, адрес и номер телефона.

— А почему бы не упомянуть его мать? — спросил я.

— Мы не знаем, как он относится к своей матери.

— Он посылает ей поздравительные открытки на день рождения.

— Но из каких побуждений? Тебе это известно?

— Нет.

— Тогда не стоит рисковать. Мы можем с уверенностью утверждать о наличии у него двух чувств: обиды за поклеп и жажды мести. В противном случае в нем или слишком много, или слишком мало от нормального человека, и мы никогда его не найдем.

Я, конечно, понимаю, что мы стреляем наугад в невидимую цель, попасть в которую можно только чудом. А у тебя есть другие предложения?

Я ответил «нет» и пододвинул к себе пишущую машинку.

ГЛАВА 2

В любой конкретный момент времени в большом городе насчитывается примерно 38 437 человек, несправедливо обвиненных или считающих, что их несправедливо обвинили, причем шестьдесят шесть из них носят инициалы П. Х. Половина из этих шестидесяти шести, то есть тридцать три человека, видели объявление, и одна треть из этих тридцати трех, а именно одиннадцать, откликнулась на него: трое написали письма, шестеро позвонили и двое явились лично в старый особняк из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, Манхэттен, которым владеет Вулф, где он живет и властвует, правда лишь до тех пор, пока мне не начинает казаться, что он зашел слишком далеко.

Первым откликнулся не П. Х., а Лон Коэн из «Газетт». Он позвонил во вторник утром и поинтересовался нашей ролью в деле Хейса. Я ответил, что у нас нет никакой роли в каком бы то ни было деле Хейса, на что он сказал: «Чушь собачья!» — и продолжил:

— Вулф дает объявление, где говорит, что знает о невиновности П. Х., а вы тут ни при чем? Ой, да брось! И это после всего, что я для тебя сделал! Ведь я только спросил...

Я его оборвал:

— Неправильно набран номер. Но я должен был знать, впрочем, так же как и мистер Вулф. Мы ведь читаем газеты, а следовательно, в курсе, что парня

по имени Питер Хейс сейчас судят по обвинению в убийстве. Но не нашего П. Х. Впрочем, это может чертовски осложнить дело. Я молю Бога, чтобы он не прочел объявления.

— Ну ладно. Вы явно что-то скрываете, а когда Вулф что-то скрывает, значит он скрывает что-то ценное. Но когда ты созреешь и немного расслабишься, вспомни обо мне. Меня зовут Деймон, мой Пифий.

Разубеждать его было бесполезно, и я решил замять для ясности. Я не стал тревожить Вулфа, который, как всегда по утрам, занимался в оранжерее, чтобы упрекнуть его за то, что он запомнил о другом П. Х., обвиняемом в убийстве, поскольку мне и самому следовало об этом помнить.

И в течение дня этот другой П. Х. постоянно отрывал меня от дел. Некто Филип Хорган не стал для меня проблемой, так как явился лично, и я с первого взгляда понял, что он несколько старше пропавшего сына нашего клиента. Еще один человек, явившийся лично, причем во время ланча, оказался крепким орешком. Его звали Перри Хеттингер, и он решительно отказывался верить, что объявление адресовано не ему. К тому времени как я от него отделался и вернулся в столовую, Вулф уже успел доесть пирог с почками, оставив меня без добавки.

С телефонными звонками оказалось несколько сложнее, так как я не видел звонивших. От троих я отделался после соответствующего продолжительного разговора, но еще на троих мне следовало посмотреть самому, поэтому я договорился о встрече с ними. Поскольку я оказался привязан к дому, то пришлось позвонить Солу Пензеру, и он, забрав фотографии пропавшего Пола Херолда, отправился вместо меня на назначенные встречи. Столь детское задание было настоящим оскорблением для Сола,

Содержание

ЛУЧШЕ МНЕ УМЕРЕТЬ

Перевод О. Александровой 5

ТРОЕ НА ОДИН СТУЛ

Перевод Е. Копосовой

Окно смерти 229

Иммунитет к убийству 313

Слишком много сыщиков 388